

Президент Тоомас Хендрик Ильвес

Неспособность Европы взглянуть в лицо своим проблемам в области конкуренции беспокоит, говорит президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес. Он приводит в пример абсолютное перерождение его страны на пороге эпохи информации и очерчивает стратегии, которые следует предпринять Европейскому Союзу, как бы непопулярны они ни были.

Будущее предсказать невозможно, но мы можем распознать и оценить тенденции его развития. Две тенденции-близнецы, нашедшие наибольшее отражение в дебатах – несомненно, опасность глобального потепления и исчезновение запасов ископаемого топлива. Оба вопроса носят глобальный характер, однако их решение не представляется возможным без участия Европейского Союза.

К тому же, Европейскому Союзу в длительной перспективе предстоят несколько тяжелых испытаний, специфических для сообщества. Если не справиться с ними, возможно, сегодняшней относительный достаток через четверть века будет для нас уже недостижим. Все эти проблемные вопросы связаны с конкурентоспособностью Европы.

Итак, где и как мы, европейцы, в экономическом смысле конкурируем – в Европейском Союзе или во всем мире? Разумеется, и там, и здесь. Принимая во внимание долгосрочное развитие, направленное на глобализацию, следует вспомнить наш долг благодарности Жану Монне и позднее Жаку Делору, заложившим основу общего рынка в те времена, когда глобализация не была еще столь видимым явлением. Поскольку общий рынок позволяет нам, европейцам, сохранять конкурентоспособность и в мировом масштабе. Открытость в самой Европе и открытие наших рынков давлению конкуренции стимулировали наши усилия по достижению международной конкурентоспособности.

Но одного этого недостаточно. Нам необходима политическая смелость, мы также должны сформировать более широкий взгляд и понимание того, что ожидает нас и мир

в предстоящие годы. По сравнению с растущими экономиками Китая и Индии сегодняшний экономический гигант Германия окажется карликом. Сегодня Европейский Союз со своим полумиллиардным населением еще может конкурировать с США, Китаем и Индией в качестве жизни, уровне образования и инноваций. Но как долго? Например, мы привыкли думать об Индии как о бедной стране, не представляющей особой конкуренции Европе, но это представление уже устарело. Те восемь процентов населения Индии, которым доступен так называемый прожиточный уровень среднего класса, это почти сто миллионов человек, больше чем в каком-либо из государств Европейского Союза. И какова будет картина через двадцать пять лет, а тем более через пятьдесят?

Нынешние модели мышления в Европейском Союзе не дают основания для оптимизма по двум причинам: во-первых, провалилась Лиссабонская стратегия – запущенная с благими намерениями программа по развитию инновации и конкурентоспособности; во-вторых, Европейский Союз всё более уклоняется в протекционизм, не только в отношении внешнего мира, но и внутри Европы.

Когда моя страна вставала на ноги после 50 лет советской стагнации, я с отчаянием думал, сколько же времени придется эстонским предприятиям строить инфраструктуру, чтобы стать конкурентоспособными на международном рынке. На наше счастье, именно тогда мир только вступал в новую эпоху инфотехнологической революции, так что Эстония, сделавшая ставку на новейшую инфотехнологическую инфраструктуру, имела почти равные с другими предпосылки для победы. Инвестиции публичного и частного секторов в инфотехнологию позволили моей родине уже к середине 1990-х годов превысить средний уровень Европейского Союза. К рубежу столетий в области публичных услуг, а также в некоторых других секторах – например, банковском – мы уже были на уровне, которого достигли лишь немногие европейские страны.

Таким образом, маленькая постсоветская страна, испытывавшая поначалу проблемы с развитием, смогла преодолеть казавшиеся непреодолимыми препятствия. Но боюсь, что шаги, которые расширившемуся Европейскому Союзу придется предпринять, чтобы повторить достижения Эстонии, не будут очень популярны в нем. Растущая эффективность госучреждений, сокращающаяся вследствие инновативной компьютеризации бюрократия и меньшие соблазны коррупции означают менее раздутый и менее прибыльный публичный сектор. Это же относится и к сектору частному. В Эстонии это особенно заметно именно в банковском деле. Со второй половины 1990-х годов 98 процентов всех банковских сделок в Эстонии совершаются в Интернете, поэтому банкам нужно всё меньше служащих и контор. Многие работники банковского сектора были сокращены, и если бы не период постоянного экономического роста, который в прошлом году достиг 11 процентов, положение могло бы быть плачевным. Но

несомненно, следует отметить, что пища высокому темпу росту нашей экономики дала именно растущая производительность.

Эстонская ставка на информационную технологию оправдала себя и сделала нас конкурентоспособными. Свои малые размеры мы сумели частично сбалансировать тем, что инфотехнология освободила людей от задач, с которыми компьютеры так или иначе справляются лучше. Однако, это развитие не будет поступательным, если мы сами не начнем создавать инновативные решения. Теперь, когда Эстония больше не может считать дешевую рабочую силу своим конкурентным преимуществом, нам следует приступить к созданию новых технологий. Нам необходим инновативный подход, а для этого нужно возвращать техническую интеллигенцию. Да, эстонцы изобрели Скайп, но в общем плане Эстония, как и остальная Европа, отстает в области инновации и чистой науки. Новшества приходят в основном из Соединенных Штатов, а успех тамошних университетов и лабораторий зависит, в свою очередь, от утечки лучших и самых блестящих умов из Европы, а также Китая и Индии.

Нам, европейцам, пора всерьез проанализировать свое положение. Мы питаем неприязнь к иммигрантам, а наши дети, выбирая предметы, всё реже решают в пользу математики, естественных наук или механики; таким образом мы сами лишаем себя конкурентоспособности в Европейском Союзе именно в области услуг, в которой конкуренция в мире наиболее велика.

Чтобы проиллюстрировать эти тенденции, приведу два примера из собственного опыта. Пять лет назад, переехав в новую квартиру в Таллинне, я позвонил в свою телефонную компанию и попросил подключить меня к Интернету. Женщина, ответившая мне, поинтересовалась, какое время – 14.00, 16.00 или 17.30 – мне лучше подходит. Три года назад, будучи избранным в Европейский парламент, я тоже захотел установить выход в Интернет в своей съемной квартире. Когда в течение семи недель ничего не изменилось, я позвонил хозяйке квартиры, которая любезно обещала мне помочь решить проблемы с местной бюрократией. «Всего лишь семь недель?», спросила она. И добавила нечто, особенно забавно прозвучавшее для представителя посткоммунистического общества: «Может быть, я смогу вам помочь, я меня там есть знакомые».

Мой личный, непрофессиональный и нерепрезентативный опрос, проведенный среди друзей и коллег, показал, что такая ситуация в большинстве европейских стран – вовсе не редкость. Следует еще добавить, что наше подключение к Интернету и скорость соединения намного затратнее, чем в Азии, и я уверяю, что даже если качество и

уровень услуг таковы пусть лишь в части Европы, наши дела весьма плохи.

Внутренняя конкуренция Европейского Союза или ее отсутствие влияют и на безопасность. Если учитывать важную роль энергии в нашей жизни, то понятно, что все страны Европейского Союза хотят защитить свои предприятия от конкуренции и противятся либерализации энергетического рынка. Такая реакция понятна, но в действительности единственным крупным источником энергии в Европе является государство, провозгласившее себя «энергетической сверхдержавой» и известное тем, что использует энергетику для достижения внешнеполитических целей и всё меньше стесняется признавать это. Стоит вспомнить, как Виктор Черномырдин, посол России на Украине, сказал в мае прошлого года, что Россия согласилась бы снизить цену природного газа, будь украинская политика менее прозападной.

Итак, если мы не хотим видеть, как государства Европейского Союза подчиняются политике «разделяй и властвуй», заставляющей их хитрить во имя более выгодных газовых сделок, для нас совершенно неизбежно создание единой энергетической политики, которую возглавлял бы комиссар по вопросам энергетики, наделенный на переговорах такими же полномочиями, что и комиссар по торговле. И Германия – малое государство, если она ведет переговоры один на один с «Газпромом». Но для того чтобы разработать единую энергетическую политику, которая была бы сопоставима с нашим режимом общей торговли, нам необходимо *sine qua non* внешней политики, а именно внутренняя либерализация.

Итак, каким же видится наше будущее? Плотность Интернет-соединений в Корее и Японии гораздо выше, чем в большинстве стран Европы, а цены значительно ниже. Азия и США готовят намного больше инженеров, ученых и математиков. А нашим ответом в Европе стали усилия по обузданию излишне свободного перемещения услуг. Мы беспокоимся по поводу нехватки инженеров, но мало делаем для того, чтобы продвигать научное образование. А увидев, что начинаем отставать в международной конкуренции, мы призываем на помощь протекционизм.

Всё это вовсе не звучит обнадеживающе. Все вместе, эти тенденции приведут постепенному спаду европейской конкурентоспособности в глобализирующейся экономике. Разумеется, если мы ничего не предпримем.

Ссылка на оригинал статьи на английском языке: [Europe's World](#) .